

Чжан Цилин забрал взгляд, опустил его на яблоко, а затем перевёл на лицо У Се. У Се улыбнулся и сунул яблоко ему в руку.

— Спасибо.

Голос был очень тихим, его почти развеял ветер.

У Се обрадовался:

— Не за Сяо Гэ, это я должен тебя благодарить.

Хотя он сам притворился потерявшим сознание, чтобы всё выглядело естественно, какое-то объяснение требовалось.

Взгляд Чжан Цилина снова скользнул к далёким горным вершинам.

— Не нужно.

Разговор снова оборвался.

У Се напряг память, пытаюсь отыскать хоть какую-нибудь тему для беседы.

Он бросил взгляд на висящий перед ним полупрозрачный экран. Бегущая строка по-прежнему пестрела комментариями:

— Что за ситуация? На этот раз Пещера Накопленных Трупов проходится так гладко? Организаторы, может, уже смените сюжетку?

— Добрались до места? Условия для ночлега... мягко говоря, оставляют желать лучшего.

— Сяо Гэ взял яблоко! Если округлить, то принятие яблока от песика У Се означает принятие знака любви! (да нет же)

— Клянусь, уголки губ Сяо Гэ только что приподнялись хотя бы на самую капельку.

— Оратор сверху, это называется не приподнялись, это называется нервный тик и полнейший баг.

— Приподнялись! — Баг! — ...

— Как же старательно песик У Се пытается найти тему для разговора, одновременно и жалко, и смешно.

— Только мне кажется, что эта деревня выглядит до жути жутко?

— Наверное, в горах всегда так. С нетерпением жду завтрашнего выхода на поле!

Эти шутки и догадки заставили У Се слегка покраснеть.

— Эм... Сяо Гэ, ты знаешь что-нибудь о световом экране и бегущей строке?

У Се не был уверен, есть ли такая штука у Хэй Сяцзы.

Чжан Цилин слегка растерялся: что это еще такое?

У Се описал световой экран, немного сожалея, что Сяо Гэ не может видеть его собственный интерфейс. Они урывками поговорили еще немного, после чего У Се загнал его обратно в комнату отдыхать.

Проводив его до дверей и сунув в руки приготовленный пакет, У Се пожалел, что не может протиснуться туда вместе с ним.

— Сяо Гэ, ешь побольше, посмотри, какой ты худой. Я заказал у хозяина куриный суп, его медленно тушат на дровах, самый насыщенный вкус, завтра утром уже сможешь попробовать.

Ночью горная деревня казалась до странности тихой, даже собачий лав утих задолго до полуночи.

У Се лежал на жестких деревянных досках кровати и никак не мог уснуть. В его голове смешивались впечатления прошедшего дня, чуть прохладные кончики пальцев Чжан Цилина, когда тот брал яблоко, еле слышное спасибо, шутки из бегущей строки... Самые разные образы и мысли теснились в сознании.

Как раз в тот момент, когда он уже погружался в дремоту, ему послышался легчайший, почти сливающийся с шумом ветра звук шагов, проскользнувший за окном.

У Се мгновенно протрезвел, затаил дыхание и прислушался. Но снаружи уже царила полная тишина.

Чжан Цилин в одежде прислонился спиной к деревянному настилу кровати, прикрыв глаза и отдыхая, его дыхание было таким легким и ровным, что его почти не было слышно. В комнате

не горел свет, лишь слабый лунный свет пробивался сквозь окно, едва очерчивая смутные очертания мебели.

Внезапно его сомкнутые ресницы чуть дрогнули, и в воздухе повеяло знакомым присутствием.

Он открыл глаза: человек, стоявший у самого края его кровати, казалось, прижался к нему вплотную, высокая фигура полностью погрузила его в тень, излучая подавляющую, безмолвную силу.

Это был Хэй Сяцзы.

Чжан Цилин был несколько удивлен — они ведь договорились воссоединиться только после того, как они поднимутся снизу.

Хэй Сяцзы ничего не сказал. Сначала он достал тонкую пластинку размером с ладонь, похожую то ли на нефрит, то ли на камень, и его кончики пальцев несколько раз молниеносно постучали по ней. Тончайшая волна сияния мгновенно разошлась от пластинки во все стороны, в одно мгновение окутав всю комнату и полностью отрезав любые звуки и дыхание как снаружи, так и внутри.

Закончив с этим, он медленно наклонился, оперевшись обеими руками в доски кровати по обе стороны от тела Чжан Цицина и заключая его в ловушку на предельно близком расстоянии — их носы почти соприкасались.

Его взгляд сначала тяжело впился в глаза Чжан Цицина, а затем медленно переместился на стол — туда, где лежали те несколько пачек снеков и вызывающе-красное яблоко. Густая волна ревности и гнева поднялась из глубин его сердца.

В день встречи с У Саньсином он категорически потребовал действовать в одиночку, таская за собой Немого, пируя и развлекаясь по дороге в ожидании остальных. Он прекрасно знал, что этот соплёк У Се (Цан Юэ) мастерски умеет морочить людям головы, поэтому тысячу раз предупреждал и наставлял Немого не оставаться с ним наедине, опасаясь, что их гнездо попросту утащат.

И надо же такому случиться: стоило ему лишь немного опередить остальных и спуститься на разведку, как тот самый 007 подкинул ему заготовленный «сюжет»! Тут тебе и первая встреча «Железной троицы», и фокусы с живыми людьми в подземном дворце у моря, и фразочки вроде «если ты исчезнешь, по крайней мере я это замечу» или «обменяю свои десять лет на твою беспечность»?!

Немой, которого он растил почти целую сотню лет — с чего это вдруг он потерялся так, что никто бы не заметил? Сколько раз он сам подбирал его? Его клон подобрал — а значит, если округлить, подобрал он, Сюань Шан! Разве их имена Южного Слепца и Северного Немого, гремящие по всему подземелью, недостаточно звучат?

То, что он в ярости не разнес этот мир на куски, доказывало лишь то, что у него просто отменное терпение! А в довершение ко всему выяснилось, что в их с Немым пространственных кольцах появилась еще и коробка клубники.

Каждая ягода сочная, источающая слюноотделяющий аромат.

Судя по его знанию Чжан Цилина, тот отродясь бы не стал заморачиваться подобными глупостями. Этот грандиозный господин привык к тому, что о нем заботятся: палец о палец не ударит, еду подадут готовую, а если пожрать не дадут, перебивается прессованными сухарями — проще простого.

— Объясняйся, — голос Хэй Сяцзы звучал донельзя приглушенно, каждое слово сочилось искрами гнева.

Чжан Цилин слегка нахмурился. Он не до конца понимал столь внезапный прилив бурных эмоций у Слепца, но отчетливо чувствовал его напряжение и недовольство. Он покосился на лежащие на столе припасы и честно ответил:

— У Се дал.

— Он дал, а ты взял? — Хэй Сяцзы выдавил эти слова буквально сквозь зубы. — Немой, насколько я помню, я говорил тебе: не смей без разбору брать чужие вещи.

Упрек в его глазах читался предельно ясно.

Брови Чжан Цилина сошлись еще круче. Не смей без разбору брать чужие вещи?

Слепцы, казалось, и впрямь что-то такое бубнили про то, что «наверху полно плохих людей» и «Немой, ты такой наивный, тебя легко обмануть». Но сам он наивным себя вовсе не считал.

К тому же...

— Я не ел, — добавил он, пытаясь доказать, что послушался. Люди рода Чжан обязаны прислушиваться к словам тех, с кем связаны. К тому же, клубника выглядела неплохо, и он подумывал дать попробовать ее Сяцзы.

— Не ел? — Хэй Сяцзы нервно усмехнулся, глядя на его обиженное лицо и отчетливое нежелание признавать вину. — Вопрос разве в том, ел ты или нет? Подносить тебе подарки — это всё равно что хорек курам в ноги кланяется!

Если ты принял чужую вещь, разве не собираешься уделять этому человеку больше внимания? А если он снова придет к тебе поговорить или поспрашивать о чем-то, ты ответишь или нет?

Постепенно привыкнете, позовете друг друга пообедать — глядишь, уже и друзья!

А там и в чувствах признаетесь, и станете парочкой! Чего? Еще и на два фронта жить захотел?

Чем больше он говорил, тем сильнее злился, и дикое пламя ярости поднималось все выше. Но еще больше его распаляло то, что на приближение этого паршивого сопляка Чжан Цилин не отреагировал привычным для него отторжением остальных — все было точь-в-точь как в навязанном ему «сюжете»! Это осознание заставляло его чувствовать тревогу.

От такого напора Чжан Цилин слегка растерялся. У Се, конечно, проявлял к нему излишнее гостеприимство, но никакой злобы или угрозы он в этом не улавливал. Что же до «признания в чувствах» и «жизни на два фронта»... Это звучало слишком преувеличенно, У Се для него — всего лишь сопляк из младшего поколения.

К тому же, за все эти годы вокруг него вилось немало странных личностей, но стоило ему начать их игнорировать, как они переставали докучать.

Рядом с ним неизменно оставался лишь этот единственный человек, и после каждой амнезии он неизменно начинал всё сначала именно с ним — разве это само по себе не показатель?

Он попытался разобраться в причинах гнева Хэй Сяцзы, но в том, что касалось столь сложных и тонких человеческих отношений, его собственный «опыт» был до смешного скуден.

— Люди рода Чжан на всю жизнь выбирают лишь одного человека, — внезапно проснувшееся чувство угрозы заставило Чжан Цилина инстинктивно выдать эту фразу в первую очередь.

<http://bllate.org/book/22390/2349318>